

§8 ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Старкин С. В.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ США В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ

Аннотация. Предстоящие сдвиги в региональном военном балансе в сторону от США и их союзников в пользу Китая могут привести к деформации американской политики сдерживания. Целью настоящей статьи, являющейся логическим продолжением ряда других работ автора, посвященных проблемам региональной безопасности в АТР, является анализ основных военно-стратегических подходов Вашингтона в отношении Китайской народной республики и прогноз развития военно-политической ситуации на среднесрочную перспективу. Ряд американских экспертов утверждают, что в случае начала военных действий у Соединенных Штатов не будет иного выбора, кроме как одержать победу над вооруженными силами Китая и нейтрализовать его способность к ограничению и преграждению доступа к отдельным территориям, блокированию некоторых зон и блокированию маневра в них (концепция A2/AD), с использованием ряда средств наступательного и оборонительного характера, включая нанесение ударов неядерными средствами по целям на территории Китая. Сторонники данного подхода поддерживают претворение в жизнь положений так называемой концепции «Воздушно-морской операции» (ВМО), критический анализ которой будет предпринят в настоящей работе. В работе, с учетом поставленных задач, использованы традиционные для гуманитарных дисциплин методы сравнительного анализа, исследование case studies, теория принятия политических решений. Автор, разобрав основные положения так называемой «воздушно-морской операции», приходит к выводу, что американские политикоформирующие, штабные и экспертно-аналитические структуры проводят целенаправленную работу, направленную на сохранение собственного силового потенциала

**Работа поддержана (частично поддержана) грантом
(соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ)
The research is supported (partly supported) by the grant (the agreement of August 27, 2013
№ 02.В.49.21.0003 between The Ministry of education and science of the Russian Federation
and Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod)**

в Азиатско-тихоокеанском регионе. Суммарная военная мощь США должна гарантированно обеспечить им военно-стратегическое преимущество и защитить торгово-экономические интересы в этой части земного шара. Последние документы МО США свидетельствуют, что американские «ястребы» рассматривают АТР в качестве важнейшего стратегического плацдарма, в том числе и для развертывания морского компонента национальной ПРО.

Ключевые слова: США, Азиатско-Тихоокеанский регион, Китайская народная республика, военная политика, военно-морские операции, региональная безопасность, международная безопасность, стратегический потенциал, тактическое вооружение, геополитика.

Review. *The coming shifts in the regional military balance away from the United States and its allies towards China can lead to a deformation of the American containment policy. The goal of this article, which represents a logical continuation of a number of other works of the author on the problems of regional security in the Asia-Pacific Region, is the analysis of Washington's main military strategic approaches with regards to the People's Republic of China and forecast of the development of military political situation upon the mid-term prospects. A number of American experts claim that in an event of a military conflict the United States will have no choice but to dominate the military forces of China and neutralize its ability to restrict and prevent access to separate territories, blocking of certain zones and maneuvers within them (concept A2/AD), using a number of offensive and defensive means, including targeting objects on the territory of China with non-nuclear force. The author comes to the conclusion that American policy-making, headquarters, and expert-analytical structures are conducting a targeted work, aimed at maintaining their influence in the Asia-Pacific region.*

Keywords: *tactical weapons, strategic potential, international security, regional security, naval operations, military policy, China, Asia-Pacific region, USA, geopolitics.*

В современных условиях трансформации глобальных мегатрендов политикоформирующие круги США продолжают обосновывать геостратегическое положение своей страны способностью проецировать военную мощь на большие расстояния. В период после развала СССР возможности США распространять свое геополитическое влияние были труднооспоримы. Американские администрации могли развертывать и управлять военно-морскими и военно-воздушными силами, руководствуясь «национальными интересами», практически везде, включая восточную периферию Евразии. В период после холодной войны Америка обладала многочисленными ядерными арсеналами, обеспечивавшими поддержку обычным вооруженным силам передового базирования. Вашингтон располагал необходимыми ресурсами для того, чтобы сдерживать или оказывать силовое давление на потенциально опасные, с его точки зрения, режимы.

В сфере военного доминирования в Азии американское превосходство было наглядно продемонстрировано в 1995–1996 гг.: в ответ на китайские ракетные испытания, проведенные с целью оказания влияния на результаты выборов на Тайване, администрация Клинто-

на отправила в регион две авианосные группы. Этот инцидент обозначил кульминационную точку в развитии военного потенциала Китая и китайско-американских стратегических отношений. В то время было очевидно, что Народно-освободительная армия Китая (НОАК) не могла предпринять адекватные ответные меры. Однако в посткризисный период Пекин начал наращивать затраты на военную сферу в целях сдерживания, замедления и, в конечном счете, блокирования попыток США распространить свою мощь на территории западной части Тихого океана. Поскольку эти действия были мотивированы, в первую очередь, желанием найти решение серьезных военно-технологических задач, с самого начала они могли привести к существенным стратегическим трансформациям.

В конце 1990-х гг. усилия Пекина начали приносить результаты. Наращивание военной мощи Китая, модернизация стратегических ядерных сил и развитие так называемых боевых сетей ограничения доступа и воспреещения доступа (A2/AD, anti-access/area denied), по мнению американских политикоформирующих кругов, представляют серьезную и возрастающую угрозу позициям США в Восточной Азии. В силу того, что они оспаривают способность

Вашингтона распространить свое влияние в регионе, продолжающийся рост этих сил может поставить под вопрос гарантии безопасности, которые предоставляют США своим партнерам, что, в свою очередь, подорвет существующие военно-политические альянсы и, в конечном итоге, ослабит позиции США в качестве доминирующего актора в Азиатско-тихоокеанском регионе. Предстоящие сдвиги в региональном военном балансе в сторону от США и их союзников в пользу Китая могут также привести к деформации американской политики сдерживания. Целью настоящей статьи, являющейся логическим продолжением предшествующих работ автора, посвященных проблемам региональной безопасности в АТР ^[1,2,3], является анализ основных военно-стратегических подходов Вашингтона в отношении Китайской народной республики и прогноз развития военно-политической ситуации на среднесрочную перспективу.

ВОЗДУШНО-МОРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (ВМО): СУТЬ КОНЦЕПЦИИ

В настоящее время в политикоформирующих кругах США обсуждаются две наиболее распространенные точки зрения на будущее американской военной стратегии в Азии. С одной стороны, находятся сторонники так называемого прямого подхода. Эксперты и официальные лица в этом лагере утверждают, что в случае начала военных действий у Соединенных Штатов не будет иного выбора, кроме как одержать победу над вооруженными силами Китая и нейтрализовать его способность к ограничению и преграждению доступа к отдельным территориям, блокированию некоторых зон и блокированию маневра в них (концепция A2/AD), с использованием ряда средств наступательного и оборонительного характера, включая нанесение ударов неядерными средствами по целям на территории Китая. Сторонники данного подхода поддерживают претворение в жизнь положений так называемой концепции «Воздушно-морской операции» (ВМО), критический анализ которой будет предпринят в настоящей работе.

В ответ на имеющиеся уязвимости и несоответствия ВМО, другие аналитики предложи-

ли руководству США разработать альтернативный подход для косвенного ответа на рост военной мощи Китая. Все предложенные варианты объединены попыткой избежать непосредственного нападения на китайскую территорию и опираются, прежде всего, на дистанционное использование военно-морских сил США и их союзников с целью заставить Пекин принять американские условия. Косвенные стратегии могут быть подразделены на две группы. Если первые стремятся избежать столкновения с силами ограничения и воспреещения доступа Китая, полагаясь в целом на блокаду на дальних рубежах, блокируя доступ судов (особенно транспортирующих углеводороды) в географически узких проливах, удаленных от территории Китая, то другие, более агрессивные стратегии воспреещения морского судоходства, призывают к тому, чтобы США и их союзники использовали свои средства подводной войны для минирования портов, потопления судов и воспрепятствовали тому, чтобы Китай мог использовать свои прибрежные воды.

За прошедшие пять лет вопрос о том, как сохранить способность Вашингтона проецировать военную силу, обострился и стал одним из главных стратегических приоритетов Пентагона. В списке десяти «основных задач» на 2012 г. американское Министерство обороны (МО) поставило возможности «проецировать силу», невзирая на запрет доступа к отдельным территориям, блокированию некоторых зон и воспреещению маневра в них (A2/AD), на третье место, непосредственно после «контртеррористической деятельности в ходе нерегулярной войны» и способности «сдерживать и побеждать агрессию путем устрашения» ^[4, p.4]. Официальные лица старались указать на то, что увеличение сил и средств A2/AD представляет собой общий тренд для того, чтобы избежать необходимости публично указать на конкретную страну как наиболее вероятного противника. Тем не менее, очевидно, что растущие возможности Китая представляют собой наиболее важный источник беспокойства американцев и стимулируют поиск решений проблемы ограничения доступа.

В 2009 г. Р. Гейтс, в то время министр обороны, поставил задачу штабным структурам исследовать варианты, направленные на «со-

хранение американской способности проецировать силу и поддержать свободу действия во всеобщем достоянии»^[5]. Шесть месяцев спустя, Четырёхлетний обзор Министерства обороны от 2010 г. сообщил что: «Военно-воздушные силы и ВМС совместно разрабатывают новую воздушно-морскую концепцию для того, чтобы победить... противников, оснащенных сложными системами ограничения и воспреещения доступа в определенные районы»^[6]. Вслед за этим сообщением, в ноябре 2011 г., была опубликована так называемая Концепция совместного оперативного доступа (ЮАС), документ, разработанный усилиями нескольких видов ВС, предназначенный для описания «в общих чертах видения того, как совместные силы будут действовать в ответ на вызовы безопасности, обусловленные возникающими возможностями по ограничению и воспреещению доступа к отдельным территориям»^[7]. Публикация Концепции сопровождалась созданием Объединенного командования ВМО (КВМО), состоящего из офицеров ВВС и ВМС, в задачу которым вменена дальнейшая разработка и реализация положений концепции, «объединяющей ВВС и ВМС с тем, чтобы они могли действовать в среде с ограничением или воспреещением доступа в нее»^[8].

В ряде речей и статей, Н. Шварц и Дж. Гринерт, в рассматриваемый период начальники штабов ВВС и ВМС, охарактеризовали концепцию ВМО как ответ на широкий спектр возникающих вызовов, а не на конкретную и непосредственную угрозу. За два десятилетия, прошедших с момента краха Советского Союза, отмечает Шварц, «наши способности проецировать экспедиционные силы с территории Соединенных Штатов, наш доступ к передовым базам и наша мобильность повсюду в потенциальных местах ведения боевых действий остались в значительной степени бесспорными». Сегодня, однако, «это преимущество находится под угрозой»^[9]. На самом глубоком уровне, этот вызов является проявлением продолжающегося процесса «быстрого распространения передовых технологий и вычислительных мощностей». Особую тревогу Шварца и Гринерта вызывают «усилия определенных государств, проявляющиеся в течение длительного периода времени, по разработке, накоплению запасов и распро-

странению усовершенствованных образцов оружия высокой точности и большого радиуса действия... объединенных в сети и интегрированных со сложными загоризонтными системами обнаружения и контроля»^[10]. «Граница зоны ограничения доступа» американскими авторами была увеличена в ответ на использование гипотетическим противником «растущих флотов подводных лодок, модернизированных истребителей и бомбардировщиков, надводных боевых кораблей, оборудованных современными системами ПВО и радиоэлектронной борьбы». Взятые вместе, эти силы могут позволить «возвышающимся государствам, которые жаждут региональной гегемонии, изолировать других региональных акторов и избежать американского военного вмешательства», таким образом, «позволяя им эффективнее запугивать соседние государства и принуждать их к определенным действиям»^[11].

Вызов способности Вашингтона проецировать свою военную силу на трансокеанские театры военных действий не является ничем новым. Как ясно дает понять документ ЮАС, «борьба за оперативный доступ может доминировать фактически над всеми другими соображениями в войне, как это было повсюду на Тихоокеанском театре военных действий и в ходе сражений за Северную Атлантику во время Второй мировой войны». В будущем конфликте перед американскими вооруженными силами может быть вновь поставлена задача «достижения и поддержания оперативного доступа в условиях вооруженного противодействия»^[7, p.5].

Таким образом, в свете растущих угроз США должны разработать планы и приобрести средства и возможности, которые позволят «поддержать^[их] способность проецировать силу в регионах, в которых^[их] доступ и свобода действовать ставятся под сомнение»^[4, p.4]. ЮАС содержит список из одиннадцати «оперативных принципов доступа», первый из которых гласит, что американские вооруженные силы должны «воспользоваться синергией действий в различных средах», используя «воздушную мощь для того, чтобы поражать противокорабельное оружие; морскую мощь для того, чтобы нейтрализовать силы и средства ПВО; наземные войска, чтобы нейтрализовать наземные угрозы, направленные против ВВС и ВМС; ки-

бероперации для поражения космических систем» [7, pp. ii, 16]. Некоторые из предложенных мер носят оборонительный характер, но большинство имеет отчетливо наступательный потенциал. Среди них — рекомендации для американских сил «срывать усилия противника по ведению разведки и наблюдения, при этом обеспечивая проведение своих аналогичных действий», «защита космических и кибер- средств, при одновременном проведении атак на космические и кибер- средства противника; и «атаки на системы противника, которые ограничивают и воспрепятствуют доступ к отдельным территориям, блокирование некоторых зон и воспрепятствование маневра в них вместо того, чтобы атаковать эту систему с периметра» [7, p.17].

Вариант концепции ВМО от 2013 г. проясняет существенные детали конкретной угрозы и описание главных способов американского реагирования на нее. Документ начинается с предположений относительно того, как противник будет использовать свои возможности в сфере A2/AD. Предполагается, что «противник начнет военные операции с небольшим временем ... предупреждения или вообще без него». В результате «американские передовые силы окажутся в среде A2/AD в начале боевых действий», и должны быть готовы дать «немедленный и эффективный ответ». Поскольку подобные удары крайне важны для достижения успеха, решительно действующий противник не будет раздумывать над тем, нападать ли на американские базы на территории союзников США. Действительно, ведь даже континентальная часть США может подвергнуться нападению. В документе делается упор на многочисленные среды ведения современной войны, которые упоминаются и в JOAS, в нем утверждается, что все пять сред (космос, киберпространство, воздушное пространство, морские и наземные театры) «будут оспариваться противником», и что ни одну среду нельзя «уступить ему полностью» [5, pp. 3-4].

Согласно авторам документа, «... решение проблемы A2/AD состоит в том, чтобы создать силы, объединенные в сети, которые будут способны осуществлять глубокие удары по противнику для нарушения деятельности, разрушения и поражения противостоящих сил» [5, p.4]. Объединение в сети и интеграция важны для

проведения операций в нескольких сферах, упоминаемых в JOAS [5, p.5]. «Глубокая атака» требует наличия способности «проецировать силу через запретные ... зоны» и применения «как кинетических, так и некинетических средств для нанесения ударов по критически слабым местам противника» [5, p.6-7].

В основе концепции ВМО лежат три «линии усилий». Во-первых, США будут стремиться «нарушить» работу сетевых систем управления, связи, сбора разведанных, наблюдения, разведки местности, передачи данных (C4ISR), не дать противнику возможности отслеживать движение и определять местонахождение целей и «в идеале устранить возможность нападения на американские силы». Во-вторых, они попытаются «уничтожить» платформы A2/AD и системы вооружения противника. Наконец, в зависимости от степени успеха, достигнутого противником, США будут стремиться «поразить» оружие противника, находящееся в «полестартовом» положении [5, p.8].

Начальники штабов ВМС и ВВС кратко сформулировали цели концепции ВМО как предназначенной для того, «чтобы сломать «цепь уничтожения» противника. Для того чтобы осуществить нападение «противник должен выполнить последовательность действий»: определить местонахождение американских сил, передать информацию, запустить системы оружия и поразить цели [12]. Таким образом, по мнению американских штабистов, самые уязвимые элементы связаны с использованием систем C4ISR, без которых эффективные атаки противника невозможны.

При составлении анализируемых документов американские чиновники старательно избегают любого обсуждения того, как концепция ВМО может быть применена в условиях противостояния с КНР. Самым детальным образом данный вопрос рассмотрен в аналитическом обзоре, подготовленном офицером ВМС США Яном ван Толлом. Хотя изложенная в обзоре позиция по некоторым аспектам не совпадает с текущим мышлением Пентагона, автор предлагает несколько «конкретных линий проведения операций», которые практически дословно повторяют тезисы, приведенные в официальных документах, посвященных концепции ВМО. Они включают в себя, во-первых, «необходи-

мость выдержать первоначальную атаку и ограничить ущерб вооруженным силам и базам США и союзников; во-вторых, осуществить подавление боевых сетей НОАК; и, в-третьих, «провести кампанию по подавлению ударных систем НОАК большого радиуса действия»^[13]. Вторая из этих задач, по мнению ван Тола, является жизненно важной для достижения последующей победы, поскольку «подавление систем НОАК является существенно важным элементом для достижения успеха в Воздушно-морской операции в любой другой линии противостояния»^[13, p. 57]. Выполнение этой задачи требует проведения молниеносных атак, включая удары с использованием кинетических видов оружия, по всему диапазону критически важных целей, таких как китайские спутники, наземные станции связи, противокосмические средства и загоризонтные радиолокационные станции. Уничтожение радаров должно быть, согласно ван Тола, «одним из основных американских приоритетов»^[13, p. 58].

Удары по ракетам наземного базирования Народно-Освободительной Армии Китая должны проводиться непосредственно сразу же после ударов по подавлению, но длиться в течение более длительного промежутка времени. После создания «мультиосевых коридоров доступности путем снижения эффективности системы китайской противовоздушной обороны, США должны использовать комбинацию систем оружия, наносящих удары из зон, находящихся вне пределов действия систем ПВО (включая крылатые ракеты, запускаемые с подводных лодок) и системы прорыва (включая пилотируемые бомбардировщики, созданные по технологии «стелс», и беспилотные летательные аппараты) с тем, чтобы определить местонахождение и атаковать наземные пусковые ракетные установки и их сети управления. В то время как «НОАК имеет большой запас ракет и мобильных пусковых установок и их довольно сложно обнаружить, чтобы достичь высокой степени поражения», операции по подавлению ракетных систем могли бы сократить количество ударов по США и снизить степень их координации. Среди прочих преимуществ, это означало бы, что перед американскими системами противовоздушной обороны стояли бы более достижимые задачи по борьбе с «морсящим дождем»

ракет, а не с «ливнем» подлетающих систем оружия НОАК. Ван Тол приходит к заключению, что успех в разрушении платформ и систем оружия является «важным фактором в воспрепятствовании возможностям Китая нанести «нокаутирующий» удар» силам США^[13, p. 64–66].

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВМО

В данном контексте следует отметить два важных момента. Во-первых, энтузиазм по поводу концепции ВМО, который демонстрирует руководство ВВС и ВМС США, частично отражает то, что ее реализация означает весьма благоприятные последствия для финансирования и развития авиации и флота. Во-вторых, ВМО не является стратегией в полном смысле этого термина. Скорее, ее необходимо рассматривать как ограниченную оперативную концепцию, сконцентрированную на разработке интегрированных усилий ВВС и ВМС в контексте угроз ограничения доступа/отказа в доступе. Ее цель состоит в том, чтобы идентифицировать «действия, которые необходимо предпринять с тем, чтобы купировать эти угрозы и определить те материальные и нематериальные инвестиции, которые необходимо осуществить для того, чтобы выполнить эти действия»^[7, pp. 3–4]. Другими словами, ВМО — схема или общий подход, предназначенный для того, чтобы помочь штабным структурам МО США в решении определенной оперативной задачи.

Анализируя концепцию ВМО, необходимо сформулировать проблемный вопрос следующим образом: каким будет результат гипотетического китайско-американского конфликта, в котором НОАК использует собственные доктринальные подходы, а США постараются реализовать какой-то вариант ВМО? Этот вопрос может быть разделен на три части: во-первых, каков будет результат, строго в военном значении, ряда обменов ударами? Во-вторых, какова вероятность того, что эти начальные взаимные удары приведут к быстрому дипломатическому разрешению любого конфликта? И, в-третьих, какова вероятность того, что они приведут к ядерной эскалации конфликта?

Документ КВМО ясно дает понять, что американские планирующие структуры декларируют, что, если когда-либо и начнется китайско-

американская война, то она начнется с первого удара со стороны Китая. В связи с этим многое будет зависеть от того, насколько эффективно США и их союзники смогут «выдержать удар». Именно по этому пункту, однако, рост возможностей Китая в сфере А2/АD привел к тому, что начал вызывать серьезные опасения американцев. В американских штабах звучат алармистские предположения, что без реализации существенных мер по исправлению положения, способности США защитить силы передового базирования, как об этом говорится в документе КВМО, и их возможности поражать атакующее китайское оружие продолжат размываться. В течение следующих 5–10 лет НОАК будет в состоянии причинить существенный ущерб каждому стационарному объекту, на котором располагаются силы США в западной части Тихого Океана, включая такие, как Гуам, при предположении, что Китай нанесет первый удар. Перспективы защиты этих стационарных объектов с использованием одних только активных мер, с точки зрения американцев, не обещают быть результативными. Даже исключая значительное увеличение количества и повышение эффективности существующих противоракетных систем кинетического принципа действия, Вторая Артиллерия НОАК, вероятно, будет в состоянии преодолеть оборонительные системы США и их союзников, используя массированную атаку с применением ложных целей. Применяя для нанесения атаки сочетание таких средств, как баллистические ракеты, крылатые ракеты и торпеды, НОАК будет способна уничтожить некоторые американские надводные корабли (включая авианосцы), действующие в пределах 1 500 морских миль от побережья Китая.

В дополнение к перехвату китайского оружия еще до того, как оно достигнет своих целей, США и их союзники предполагают снизить эффективность ударов, используя меры пассивной защиты. После получения стратегического предупреждения сила воздействия первой атаки может быть уменьшена, если обеспечить рассредоточение самолетов на запасные аэродромы; вывести все пригодные к эксплуатации суда в море; провести маскировку для того, чтобы скрыть места дислокации самолетов и ударных сил ВМФ; и, возможно, вывести ключевые сред-

ства за пределы эффективного радиуса действия китайских баллистических ракет.

Однако даже успешный первый удар не предотвратит реакцию со стороны США, которые отреагируют проведением быстрой кампании, нацеленной на разрушение китайских сетей С4ISR. Эта кампания может начаться немедленно после того, как нападение будет идентифицировано и еще до того, как оно будет завершено, частично, с использованием средств фактически мгновенного воздействия, включая подавление или выведение из строя орбитальных спутников; проведение кибер- и радиоэлектронных (EW) атак против датчиков систем обнаружения и наблюдения, а также против компьютерных сетей противника. Физические удары по избранным целям могут быть проведены с применением систем оружия, запускаемых с платформ, которые менее уязвимы для превентивного нападения, такими, как многоцелевые подводные лодки, или теми системами, которые вообще не базируются на театре военных действий, например, бомбардировщиками, использующими технологию «стелс».

Успех\неудача этой кампании окажет влияние на дальнейшую способность американских сил противостоять последующим атакам или уменьшить их воздействие путем уничтожения китайского оружия и платформ. И чем более полным будет ликвидация сетей командования и управления Китая, особенно связанных с его системой противовоздушной обороны, тем больше будет свободы для действий американских сил. При этом американские штабисты осознают, что учитывая список вовлеченных целей и возможности по рассредоточению и маскировке, это будет чрезвычайно сложной задачей и в некоторой части реализовать ее будет невозможно, используя только имеющиеся развернутые силы.

Сокращение способности Китая к проведению последующих атак с использованием морских платформ, по мнению американских специалистов, будет относительно легкой задачей. Американские субмарины могут уничтожить надводные корабли противника и начать охоту за его подводными лодками, а также наносить удары с использованием крылатых ракет по наземным целям с известными координатами. Успех атак по подавлению позволит американ-

ским авианосцам и другим надводным боевым кораблям действовать в большей безопасности у берегов Китая, помогая очистить акваторию от оставшихся судов ВМС НОАК и наносить дополнительные удары по целям на материке.

Более сложным вопросом для американских планирующих структур представляется лишение Китая способности продолжить осуществлять пуски крылатых и баллистических ракет с наземных позиций. Такие факторы как мобильность стратегических систем НОАК, обширность территории Китая и большой опыт вооруженных сил КНР по маскировке, скрытно-му базированию и инженерному оборудованию объектов усугубляют эту проблему. НОАК, как предполагают американцы, рассредоточит все оружие перед или непосредственно после нанесения первого удара и американские силы должны будут прежде обнаружить их для того, чтобы их уничтожить.

Как отметил ван Тол, американские «устаревшие бомбардировщики с высокоточными боеприпасами, пуск которых осуществляется вне зоны поражения ПВО, могут атаковать «выявленные стационарные позиции ракетных и других установок. Но обнаружение и уничтожение мобильных пусковых ракетных установок потребует применения отсутствующих в настоящее время у США «пилотируемых и беспилотных средств, созданных по технологии «стелс» и обладающих возможностью длительное время находиться в воздухе» для прорыва в закрытые зоны [13, с. 65]. Так как снижение возможностей систем С4ISR приведет к тому, что для НОАК будет все более сложным оперативно оценить размер ущерба или определить местонахождение мобильных целей США и их союзников (особенно судов в море), НОАК должна будет осуществлять пуски вслепую, осуществляя стрельбу с заранее подготовленных позиций по стационарным объектам, таким как морские базы и аэродромы.

ВЕРОЯТНОСТЬ ЯДЕРНОЙ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА

Независимо от того, какая сторона добьется большего успеха в достижении исходных военных целей, ни США, ни Китай, вероятно, не получат возможность диктовать свои условия другой стороне. Концепция ВМО сама по себе

не содержит «теории победы»; однако такой теории нет и в китайской концепции «Активных стратегических контратак на внешних линиях». Анализируя концепцию ВМО, не просто оценить ее эффективность в качестве оперативной концепции. Однозначно можно констатировать высокую степень ее эскалационного потенциала. Действительно, неядерные удары по материковой части Китая, нанесение которых предполагается согласно данной концепции, могут спровоцировать ядерный ответ.

Являясь результатом намеренного решения либо сбоя систем управления, ядерная эскалация конфликта станет следствием успешных американских ударов по ключевым целям в Китае. В дополнение к сокращению возможностей Китая нанести скоординированные повторные атаки по воспрепятствованию и запрещению доступа (A2/AD), кампания по подавлению могла также разрушить и системы коммуникаций, лишая Пекин возможности получать информацию от радиолокационных станций дальнего обнаружения и разведывательных спутников. В данных обстоятельствах руководство КНР может предположить, что оно столкнулось с выбором между использованием собственных ядерных сил или их потерей. Еще более пугающей американцев является перспектива того, что в беспорядке, последующем за американской контратакой с использованием обычного оружия, ядерное оружие КНР может быть применено непреднамеренно или без приказа со стороны соответствующего руководства [14]. Эти риски оказывают сильное влияние на мышление руководства США, которое должно принять решение о том, наносить ли удары по материковой части Китая.

Стоит напомнить, что лидеры Китая также не могут быть уверены в том, что использование ими обычных видов вооружения не вызовет ядерного ответа со стороны США. Вашингтон никогда не исключал того, что может применить ядерное оружие первым; наоборот, его стратегия расширенного сдерживания всегда оставляла открытой возможность нанесения ударов со стороны США в ответ, как на обычные, так и на ядерные атаки на их союзников. Убедительность таких угроз была несколько ослаблена заявлениями относительно того, что США намереваются сократить свою зависи-

мость от ядерного оружия вплоть до его полной ликвидации ^[15]. К настоящему времени, однако, у китайских политикоформирующих кругов есть причина бояться того, что успешная атака с применением неядерных средств может вызвать американский ядерный ответ, который снивелирует любые преимущества, полученные в результате превентивного удара.

Сторонники концепции ВМО рассматривают ее эффективность в качестве фактора сдерживания/устрашения как неизбежный побочный продукт эффективности ведения боевых действий. С этой точки зрения, полагают они, если США и их союзники могут победить в кампании против ограничения доступа, Китай можно удержать от ее развязывания. В связи с этим, серьезная оценка вклада концепции в сдерживание требует глубокого понимания того, как штабные структуры НОАК измеряют военный баланс и прогнозируют вероятные результаты будущей войны с США.

В дополнение к проблеме эскалации конфликта с уровня использования обычных вооружений на уровень ядерной войны, существует вопрос воздействия ВМО на кризисную стабильность. Напряженная конфронтация между противниками, обладающими мощными, но потенциально хрупкими обычными комплексами, способными наносить удары с повышенной точностью может напомнить ситуацию, беспокоившую политиков в период Холодной войны, когда каждая сторона опасалась первого обезоруживающего удара другой стороны ^[16].

До некоторой степени США планируют смягчить эту опасность, снизив уязвимость своих собственных систем вооружений, информационных сетей и платформ C4ISR, таким образом минимизируя любое преимущество, которое Пекин рассчитывает получить, начав военные действия. Учитывая увеличивающийся радиус действия и точность китайских стратегических сил, эти шаги оборонительного свойства, по мнению американских специалистов, должны быть предприняты независимо от того, какую стратегию США будут использовать. Проблемный вопрос для американских штабистов состоит в том, должны ли США воздержаться от совершенствования своих собственных наступательных способностей с тем, чтобы не представлять слишком большую уг-

розу аналогичным системам в Китае. Есть шанс, что такая односторонняя сдержанность, при некоторых обстоятельствах, могла бы снизить риск войны. Однако, если стратегия «сдерживание/устрашение» не сработает, США будут иметь в своем распоряжении меньше вариантов проведения контратак, которые могли бы ограничить ущерб их собственным силам и силам союзников.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ США-КНР

Подводя итог нашему исследованию, необходимо отметить ряд ключевых моментов. Во-первых, воздействие концепции ВМО на продолжающееся китайско-американское стратегическое соперничество будет зависеть, частично, и от того, как эта концепция будет реализована. По мнению американских специалистов, из-за относительно низкой стоимости приобретения еще большего количества баллистических ракет Китаем, меры по защите стационарных объектов и кораблей, основанные, прежде всего, на традиционных системах обороны, использующих кинетическое поражение, не обеспечат победу для США и их союзников. С другой стороны, использование современного инженерного оборудования для защиты от поражения, рассредоточение и маскировка могут усложнить задачу нападающего при сравнительно низких затратах, и при этом повысить эффективность активной обороны, особенно, при действиях против «подавленного» противника ^[17, p. 37].

Во-вторых, гораздо более высокий уровень воздействия на развитие ситуации ожидается американцами от разработки высокоэффективного оружия, использующего воздействие направленной энергии (DE). Такие системы «могли бы предоставить американским силам почти неограниченные запасы зарядов, чтобы уничтожать подлетающие ракеты при очень незначительной стоимости выстрела», таким образом, изменяя «расчет стоимости будущей ракетной гонки в пользу Соединенных Штатов» ^[18]. Появление оружия направленной энергии может, таким образом, нейтрализовать основу стратегии Китая А2/АД и сделать устаревшими системы, в разработку и производство которых в течение нескольких десятков лет были вложены многомиллиардные инвестиции.

Предлагаются также различные способы для создания наступательных элементов ВМО. Американцы признают, что пилотируемые истребители-бомбардировщики (такие, как F-35) не являются безусловно эффективным средством нанесения ударов по целям, расположенным в континентальной части Китая, вследствие их ограниченного радиуса действия, небольшой полезной нагрузки, возможной уязвимости от воздействия усовершенствованных интегрированных систем противовоздушной обороны (IADS) и потенциальной уязвимости авианосцев и региональных авиабаз, с которых они могли бы взлетать. Эти платформы также весьма дороги и поглотят непропорционально большую долю доступных ресурсов. Оснащение многоцелевых подводных лодок еще большим количеством крылатых ракет в неядерном оснащении, может быть более надежным средством для нанесения точных ударов в ответ на китайскую атаку. Однако существующие крылатые ракеты также не имеют достаточной дальности полета, чтобы поражать цели, расположенные в глубине территории Китая^[19].

Для нанесения обычных ударов по целям, расположенным фактически где-угодно в Китае, из зон, расположенных вне пределов досягаемости его систем A2/AD могло бы использоваться большое количество перспективных видов вооружения. К ним, в частности, относятся: запускаемые с авианосцев беспилотные ударные самолеты (UCAS); баллистические ракеты средней дальности с неядерным снаряжением, запускаемые с подводных лодок; новый пилотируемый бомбардировщик с повышенной способностью к прорыву; баллистические ракеты наземного базирования в неядерном снаряжении и т.д.^[20].

В-третьих, в контексте развертывающейся в регионе гонки вооружений, США рассматривают как существенные преимущества для себя — развитие и модернизацию систем, оснащенных воздушно-реактивными двигателями в составе средств нанесения точечных ударов неядерными боеприпасами, развертывая при этом новые типы систем доставки боеприпасов баллистическими ракетами. С начала 1990-х гг. руководство НОАК стремилось противостоять потенциалу американских высокоточных бомб и крылатых ракет, развивая наступатель-

ные технологии и устанавливая системы A2/AD с целью выдавливания сил США на расстояния, с которых они не могут эффективно использовать свое высокоточное оружие. Параллельно Китай потратил значительные ресурсы на реализацию защитных мер: строительство IADS, попытки нахождения способов противодействия американским средствам, использующим технологию «стелс» и другие дорогостоящие шаги (такие, как разработка и развертывание мобильных МБР и строительство обширной сети подземных сооружений).

Одновременно развивающиеся и уже развернутые обычные баллистические ракеты в неядерном оснащении и гиперзвуковые средства доставки США представляют совершенно новый тип угрозы. Способное достичь территории Китая с позиций, находящихся за пределами его периметра обороны, такое оружие преодолело бы его все более и более обширную сеть A2/AD. Поскольку такие системы оружия в значительной степени могли бы обходить существующие системы обороны НОАК, они, как представляется, создадут для руководства КНР новые технологически сложные и дорогостоящие стратегические вызовы.

В-четвертых, помимо влияния на программы НИОКР и процедуры принятия решения в кризисных ситуациях своих потенциальных противников, концепция ВМО несет политическую нагрузку и нацелена на то, чтобы повлиять на поведение союзников Вашингтона. Из документа Объединенного управления ВМО 2013 г. следует, что «продолжающиеся американские инвестиции в средства и возможности, упомянутые в концепции, подтверждают нашу поддержку союзников и партнеров, и демонстрируют, что США не отступят перед лицом потенциальных агрессоров, которые в ином случае попытались бы отказать международному сообществу в праве пользоваться международными водами и воздушным пространством»^[5, p.i].

Следует предположить, что фактическая реакция американских союзников на принятие ВМО будет достаточно диверсифицированной. Неуверенность относительно того, что из себя на самом деле представляет концепция ВМО и что она означает для их собственных сил и стратегий, уже вызвала замешательство и беспокойство в некоторых союзных США

столицах. Если ВМО будет реализована таким образом, что снизит необходимость в наличии передовых баз и группировок передового развертывания, это может вызвать озабоченность относительно того, что Вашингтон отходит от своих обязательств в Азии. Такая позиция может показаться идеальной с точки зрения ведения боевых действий, но вывод сил из региона подорвет усилия Вашингтона по поддержке собственных альянсов. Беспокойство американских экспертов вызывает тот факт, что если это будет воспринято как сигнал того, что США отходят от своих союзников, то такие действия приведут к ослаблению режима сдерживания и повысят риск возникновения войны.

Совершенно очевидно, что на сегодняшний момент никто из союзников Соединенных Штатов не стремится подписаться под политикой, которая может спровоцировать напряженные отношения с Китаем. Наступательный сегмент ВМО — то есть, тот факт, что концепция включает возможность нанесения ударов по целям, расположенным на материковой части Китая, ряд из которых будут, вероятно, осуществляться с территории союзников — является особенно беспокоящим аспектом в этом отношении. Предупреждения о риске ядерной эскалации только усиливают эту тревожность. Боязнь конфронтации в союзных для США столицах борется с опасениями, вызванными ростом возможностей и амбиций Китая. В силу особенностей географического расположения и экономиче-

ских возможностей, Япония — самый важный потенциальный участник в ВМО; в силу ее отношений с Китаем, она является также самым восприимчивым и наиболее вероятным получателем уверений в поддержке со стороны США. Из остальных главных американских союзников в Восточной Азии, Южная Корея в настоящее время менее других считает, что любое прямое использование новой концепции служит ее интересам, в то время как Австралия занимает промежуточную позицию ^[21,22,23].

Таким образом, Вашингтон не скрывает своих планов по наращиванию военного присутствия в регионе. В Пентагоне полагают, что суммарная военная мощь США и их союзников должна гарантированно обеспечить им военно-стратегическое преимущество и защитить торгово-экономические интересы в этой части земного шара. Последние документы МО США свидетельствуют, что американские «ястребы» рассматривают АТР в качестве важнейшего стратегического плацдарма, в том числе и для развертывания морского компонента национальной ПРО. Программы военного строительства показывают, что крупные ассигнования выделяются на то, чтобы к 2035 г. построить флот «безраздельного океанского господства», что в принципе может создать возможности для нанесения из АТР первого обезоруживающего удара, в том числе и по стратегическим силам России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Старкин С. В., Рыжов И. В. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 10, сс. 49–56. [Starkin S. V., Ryzhov I. V. Strategicheskiiy «razvorot» SSHA v Azii: evolyutsiya podkhodov [Strategic «turn» the United States in Asia: the evolution of approaches]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2014, no. 10, pp. 49–56.]
2. Старкин С. В. Китай-США: Соперничество или сотрудничество? *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*, 2014, № 3 (290), сс. 5–17. [Starkin S. V. Kitay-SSHA: Sopernichestvo ili sotrudnichestvo? [China-US: rivalry or cooperation?]. *Nauchno-analiticheskiiy zhurnal Obozrevatel — Observer*, 2014, no. 3 (290), pp. 5–17.]
3. Старкин С. В. Индо-Тихоокеанское геостратегическое пространство во внешнеполитическом дискурсе Индии и США. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2013, № 3–1. сс. 348–354. [Starkin S. V. Indo-Tikhookeanskoye geostrategicheskoye prostranstvo vo vneshnepoliticheskom diskurse Indii i SSHA [Indo-Pacific geostrategic space in foreign policy discours in India and the United States]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2013, no. 3–1. pp. 348–354..]

4. Panetta L. Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 2012, p. 4. Available at: http://www.defense.gov/news/defense_strategy_guidance.pdf. (accessed 27.08.2014).
5. ASBO. Air-Sea Battle: Service Collaboration to Address Anti-Access and Area Denial Challenges. Washington DC, 2013. 215 p.
6. Office of the Secretary of Defense. Quadrennial Defense Review Report. Washington DC, February 2010. 158 p.
7. DoD. Joint Operational Access Concept (JOAC) Version 1.0. 22 November 2011. Available at: http://www.defense.gov/pubs/pdfs/joac_jan%202012_signed.pdf. (accessed 27.08.2014).
8. DoD. Background Briefing on Air-Sea Battle by Defense Officials from the Pentagon. 9 November 2011. Available at: <http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=4923>. (accessed 27.08.2014).
9. Schwartz N. Remarks to the National Defense University Distinguished Lecture Program. 15 December 2010, p. 2. Available at: <http://www.afoutreach.af.mil/shared/media/document/AFD-110414-062.pdf>. (accessed 27.08.2014).
10. Schwartz N. Joint CSAF–CNO Discussion on the Air–Sea Battle Concept. Brookings Institution, Washington DC, 2012. 117 p.
11. Schwartz N., Greenert J. Air-Sea Battle: Promoting Stability in an Era of Uncertainty. American Interest, 20 February 2012. Available at: <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=1212>. (accessed 27.08.2014).
12. Greenert J., Welsh M. Breaking the Kill Chain. Foreign Policy, 16 May 2013. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/05/16/breaking_the_kill_chain_air_sea_battle. (accessed 27.08.2014).
13. Jan van Tol et al. Air Sea Battle: A Point-of-Departure Operational Concept. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2010. 258 p.
14. Heinrichs R. America's Dangerous Battle Plan. Diplomat, 17 August 2011. Available at: <http://thediplomat.com/2011/08/17/americas-dangerous-battle-plan> (accessed 27.08.2014).
15. Pifer S. Nuclear Arms: Obama Visits Berlin — and Returns to Prague. Brookings Up Front, 19 June 2013, Available at: <http://www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2013/06/19-nuclear-arms-reductions-obamaberlin-pifer>. (accessed 27.08.2014).
16. Goldstein A. First Things First: The Pressing Danger of Crisis Instability in US-China Relations. International Security, vol. 37, no. 4, Spring 2013. pp. 66–68.
17. Stillton J. Fighting Under Missile Attack. Air Force Magazine, August 2009, p. 37.
18. Gunzinger M., Dougherty C. Changing the Game: The Promise of Directed Energy Weapons. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2012. 137 p.
19. Grossman E. M. Pentagon, Lawmakers Deal Blows to Navy Fast-Strike Missile Effort. Global Security Newswire, 31 July 2013, Available at: <http://www.nti.org/gsn/article/pentagonlawmakers-deal-blows-navy-faststrike-missile-effort/>. (accessed 27.08.2014).
20. Osborn K. Next Generation Bomber Survives Budget Tightening. Defense Tech, 22 April 2013. Available at: <http://defensetech.org/2013/04/22/next-generationbomber-survives-budget-tightening/>; (accessed 27.08.2014).
21. Schreer B. Planning the Unthinkable War: «AirSea Battle» and Its Implications for Australia. Canberra: Australian Strategic Policy Institute, 2013. 175 p.
22. Takahashi S. Counter A2/AD in Japan-U.S. Defense Cooperation: Toward «Allied Air-Sea Battle». Project 2049 Institute, Washington DC. Available at: http://project2049.net/documents/counter_a2ad_defense_cooperation_takahashi.pdf; (accessed 27.08.2014).
23. Korea-US alliance faces next crucial shift. Korea Herald, 21 August 2013. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20130821000752>. (accessed 27.08.2014).
24. Бояркина О. А. Теоретические аспекты исследования международного водного конфликта // Конфликтология / nota bene.— 2015.— 1.— С. 65–77. DOI: 10.7256/2409–8965.2015.1.13957.

25. А. И. Гушер Геополитические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Национальные интересы и безопасность России на Дальнем Востоке // Международные отношения. — 2012. — 1. — С. 25–35.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Starkin S. V., Ryzhov I. V. Strategicheskii 'razvorot' SShA v Azii: evolyutsiya podkhodov. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, № 10, ss. 49–56. [Starkin S. V., Ryzhov I. V. Strategicheskii 'razvorot' SSHA v Azii: evolyutsiya podkhodov [Strategic 'turn' the United States in Asia: the evolution of approaches]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 10, pp. 49–56.]
2. Starkin S. V. Kitai-SShA: Sopernichestvo ili sotrudnichestvo? *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel' — Observer*, 2014, № 3 (290), ss. 5–17. [Starkin S. V. Kitay-SSHA: Sopernichestvo ili sotrudnichestvo? [China-US: rivalry or cooperation?]. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel' — Observer*, 2014, no. 3 (290), pp. 5–17.]
3. Starkin S. V. Indo-Tikhookeanskoe geostrategicheskoe prostranstvo vo vneshnepoliticheskom diskurse Indii i SSHA. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2013, № 3–1. ss. 348–354. [Starkin S. V. Indo-Tikhookeanskoye geostrategicheskoye prostranstvo vo vneshnepoliticheskom diskurse Indii i SSHA [Indo-Pacific geostrategic space in foreign policy discours in India and the United States]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2013, no. 3–1. pp. 348–354..]
4. Panetta L. Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 2012, p. 4. Available at: http://www.defense.gov/news/defense_strateg_c_guidance.pdf. (accessed 27.08.2014).
5. ASBO. Air-Sea Battle: Service Collaboration to Address Anti-Access and Area Denial Challenges. Washington DC, 2013. 215 p.
6. Office of the Secretary of Defense. Quadrennial Defense Review Report. Washington DC, February 2010. 158 p.
7. DoD. Joint Operational Access Concept (JOAC) Version 1.0. 22 November 2011. Available at: http://www.defense.gov/pubs/pdfs/joac_jan%202012_signed.pdf. (accessed 27.08.2014).
8. DoD. Background Briefing on Air-Sea Battle by Defense Officials from the Pentagon. 9 November 2011. Available at: <http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=4923>. (accessed 27.08.2014).
9. Schwartz N. Remarks to the National Defense University Distinguished Lecture Program. 15 December 2010, p. 2. Available at: <http://www.afoutreach.af.mil/shared/media/document/AFD-110414-062.pdf>. (accessed 27.08.2014).
10. Schwartz N. Joint CSAF–CNO Discussion on the Air–Sea Battle Concept. Brookings Institution, Washington DC, 2012. 117 p.
11. Schwartz N., Greenert J. Air-Sea Battle: Promoting Stability in an Era of Uncertainty. *American Interest*, 20 February 2012. Available at: <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=1212>. (accessed 27.08.2014).
12. Greenert J., Welsh M. Breaking the Kill Chain. *Foreign Policy*, 16 May 2013. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/05/16/breaking_the_kill_chain_air_sea_battle. (accessed 27.08.2014).
13. Jan van Tol et al. Air Sea Battle: A Point-of-Departure Operational Concept. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2010. 258 p.
14. Heinrichs R. America's Dangerous Battle Plan. *Diplomat*, 17 August 2011. Available at: <http://thediplomat.com/2011/08/17/america-s-dangerous-battle-plan> (accessed 27.08.2014).
15. Pifer S. Nuclear Arms: Obama Visits Berlin — and Returns to Prague. *Brookings Up Front*, 19 June 2013, Available at: <http://www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2013/06/19-nuclear-arms-reductions-obamaberlin-pifer>. (accessed 27.08.2014).

16. Goldstein A. First Things First: The Pressing Danger of Crisis Instability in US-China Relations. *International Security*, vol. 37, no. 4, Spring 2013. pp. 66–68.
17. Stillton J. Fighting Under Missile Attack. *Air Force Magazine*, August 2009, p. 37.
18. Gunzinger M., Dougherty C. Changing the Game: The Promise of Directed Energy Weapons. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2012. 137 p.
19. Grossman E. M. Pentagon, Lawmakers Deal Blows to Navy Fast-Strike Missile Effort. *Global Security Newswire*, 31 July 2013, Available at: <http://www.nti.org/gsn/article/pentagonlawmakers-deal-blows-navy-faststrike-missile-effort/>. (accessed 27.08.2014).
20. Osborn K. Next Generation Bomber Survives Budget Tightening. *Defense Tech*, 22 April 2013. Available at: <http://defensetech.org/2013/04/22/next-generationbomber-survives-budget-tightening/>; (accessed 27.08.2014).
21. Schreer B. Planning the Unthinkable War: 'AirSea Battle' and Its Implications for Australia. Canberra: Australian Strategic Policy Institute, 2013. 175 p.
22. Takahashi S. Counter A2/AD in Japan-U.S. Defense Cooperation: Toward 'Allied Air-Sea Battle'. Project 2049 Institute, Washington DC. Available at: http://project2049.net/documents/counter_a2ad_defense_cooperation_takahashi.pdf; (accessed 27.08.2014).
23. Korea-US alliance faces next crucial shift. *Korea Herald*, 21 August 2013. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20130821000752>. (accessed 27.08.2014).
24. Boyarkina O. A. Teoreticheskie aspekty issledovaniya mezhdunarodnogo vodnogo konflikta // *Konfliktologiya / nota bene*. — 2015. — 1. — С. 65–77. DOI: 10.7256/2409–8965.2015.1.13957.
25. A. I. Gusher Geopoliticheskie protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. *Natsional'nye interesy i bezopasnost' Rossii na Dal'nem Vostoke // Mezhdunarodnye otnosheniya*. — 2012. — 1. — С. 25–35.